

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия**
Архив журнала «Христианское чтение»

Школа и жизнь

**Педагогический отдел ист.-филолог.общ-ва.при
Харьковском ун-те. Еще относительно объединения
учебно-педагогического персонала духовной школы.
Рознь между семинариями и училищами по вопросу о
приемных испытаниях в семинарию и грамотности
учеников. Как улучшить постановку письменных
упражнений в семинариях**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1897. № 5. С. 788-799.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

**СПБДА
Санкт-Петербург
2009**

ШКОЛА И ЖИЗНЬ.

Педагогическій отдѣлъ Истор.-филолог. Общества при Харьков. университетѣ. — Еще относительно объединенія учебно-педагогическаго персонала духовной школы. — Разнь между семинаріями и училищами по вопросу о приемныхъ испытаніяхъ въ семинарію и грамотности учениковъ. — Какъ улучшить постановку письменныхъ упражненій въ семинаріяхъ.

ПРИ ХАРЬКОВСКОМЪ университетѣ съ 1876 г. существуетъ Историко-филологическое Общество; въ октябрѣ 1892 г. при немъ открытъ педагогическій отдѣлъ, чрезъ который Общество, по словамъ предсѣдателя отдѣла проф. Н. Ѳ. Сумцова, „не сходя съ научной почвы, подаетъ руку практической жизни, чтобы освѣтить и по-сильно расчистить одинъ изъ самыхъ трудныхъ ея путей — путь воспитанія“. Какъ открытый при Обществѣ филологическомъ, педагогическій отдѣлъ, естественно, сталъ носить филологическій характеръ, что и доказывается содержаніемъ I-го выпуска его трудовъ, появившагося въ 1893 г. Преподаватели филологическихъ предметовъ въ средней школѣ (русскій языкъ съ словесностью, исторія съ географіей, древніе и новые языки) имѣютъ, понятно, тѣсную связь чрезъ Историко-филологическое Общество съ университетомъ, а тѣмъ поддерживается и крѣпнетъ научно-воспитательная университетская традиція, такъ часто разрываема, къ сожалѣнію, питомцами со своей „alma mater“. Съ другой стороны, такое рѣдкое и отрадное явленіе, какъ единеніе профессорскаго персонала съ преподавателями средне-учебныхъ заведеній, должно оказать благотворное вліяніе и на интеллигенцію провинціального общества, въ смыслѣ возбужденія интереса къ педагогическимъ вопросамъ и, какъ прямое слѣдствіе отсюда, содѣйствовать обличенію семьи и школы. Нечего и говорить, что отдѣлъ, связанный съ университетомъ, является объединяющимъ центромъ педагогической корпораціи всего учебнаго округа. Это

лабораторія дидактическихъ и методическихъ доктринъ, под- сказанныхъ жизнью, провѣривныхъ опытомъ и укрѣпленныхъ живымъ обмѣномъ мыслей въ педагогическихъ засѣданіяхъ отдѣла. Особенно важно подспорье его для начинающихъ учителей: сюда понесутъ они свои мысли, сомнѣнія и промахи и въ бесѣдѣ съ опытными людьми, вооруженными знаніемъ, найдутъ поддержку и указанія, разрѣшеніе своихъ сомнѣній, и нравственно одобренные, освѣженные умственно, съ большею смѣлостью, безъ колебаній, пойдутъ по избранному ими тернистому пути.—Въ началѣ же своей дѣятельности отдѣлъ обнаружилъ большую энергію: въ теченіе полугода было семь засѣданій; обсуждалось 15 рефератовъ, изъ которыхъ семь принадлежало профессорамъ и восемь—преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Эти свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ журнала „Русская Школа“ (1897 г. № 1; стр. 158—160) и считаемъ нужнымъ здѣсь воспроизвести ихъ потому, что они указываютъ путь къ практическому разрѣшенію и на страницахъ нашего журнала не разъ („Хр. Чт.“ 1896 г. май—іюнь, стр. 724—729; 1897 г. январь, стр. 153—156) возбуждавшагося вопроса о подготовкѣ учителей и воспитателей въ духовныхъ школахъ. Будь при каждой изъ нашихъ духовныхъ академій основано какое-либо педагогическое общество или педагогическій отдѣлъ при богословскомъ, напр., обществѣ, сколькихъ ненормальностей, при настоящемъ положеніи вещей неизбѣжныхъ, можно было бы избѣжать въ постановкѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Теперь всякій, окончившій курсъ въ духовной академіи, признается способнымъ къ преподаванію почти всякаго предмета въ училищномъ или семинарскомъ курсѣ, хотя онъ не имѣетъ никакого предварительнаго знакомства ни съ программами, ни съ методикою, ни съ учебниками этого предмета: успѣхи его преподавательства, понятно, будутъ обусловлены всецѣло случайнымъ опытомъ, природненнымъ тактомъ, случайными примѣрами другихъ. Каждый также питомецъ академіи признается годнымъ къ педагогической дѣятельности, въ качествѣ инспектора семинаріи и помощника смотрителя училища, впрочемъ, если только онъ удовлетворяетъ одному изъ слѣдующихъ условій: или имѣетъ инокескій санъ, или значительное время послужилъ на духовно-учебной службѣ или удостоенъ степени магистра богословія. Всѣ эти качества считаются почему то необходимо связанными съ педагогическою правоспособностью, хотя, какъ конечно всякій согласится, такой необходимой связи нѣтъ. Что лицо, уже въ молодыхъ лѣтахъ и на школьной скамьѣ принявшее монашескій санъ, выдѣляется изъ другихъ по высотѣ своего религіозно-нравственнаго настроенія,—это можетъ и должно быть; но чтобы оно могло благоприятно въ религіозно-нравственномъ отношеніи повліять на вѣраемое его воспитанію юношество, этого можетъ и не случиться: все за-

виситъ отъ педагогическаго такта, знанія и умѣнья, и безъ нихъ самый высшій по нравственнымъ свойствамъ и благочестивый иннокъ не можетъ воспитать въ желательномъ направленіи, — если не оказать болѣе. Точно также и выслуга лѣтъ: бываетъ, конечно, что люди послужившіе свыше 10 лѣтъ въ должности учителя, приобретаютъ нѣкоторую административно-педагогическую опытность, но бываетъ и иначе. Если преподаватель не получаетъ специальной педагогической подготовки и не имѣетъ стремленія къ педагогическому самообразованію, точно препятствуетъ ему успокоиться на тѣхъ рутинныхъ приѣмахъ, до которыхъ онъ дошелъ личнымъ опытомъ или случайными указаніями другихъ, и съ ними же, послѣ десятилѣтней службы учительской, приступить къ инспекторству? Еще менѣе, конечно, имѣетъ отношенія къ дѣлу воспитанія магистерская степень воспитателя, хотя она почему-то даетъ лишніе шансы на инспекторство. Можетъ быть потому, что на административно-педагогическую должность смотрятъ прежде всего какъ на наиболѣе почетную и матеріально обеспеченную, а не какъ на наиболѣе трудную и требующую особенной талантливости, умѣнья, такта, любви, самоотверженія, подготовки и т. д. потому, что на нее смотрятъ съ точки зрѣнія сопряженныхъ съ нею правъ, а не обязанностей, и дается она въ награду за заслуги. Насколько отъ этого страдаетъ учебно-воспитательное дѣло, извѣстно всякому, и учившемуся и учащему въ духовной школѣ. Крѣпкимъ печальныхъ результатовъ отъ такого положенія вещей и могло бы служить педагогическое общество или другое какое-либо общество съ педагогическимъ отдѣломъ при нашихъ духовныхъ академіяхъ. Оно было бы для нашихъ духовно-учебныхъ заведеній тѣмъ, чѣмъ и педагогическій отдѣлъ при Харьковскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ: и подготовкою будущахъ и руководствомъ настоящихъ учителей и воспитателей. Среди многихъ благъ, которыя принесло бы съ собою педагогическое общество при академіи, нужно особенно поставить на видъ единеніе учебно-педагогическаго персонала академій, семинарій и училищъ. Какъ это ни странно, но наши духовныя школы — высшая, средняя и низшая, по идеѣ внутренне связаны между собою, на самомъ дѣлѣ живутъ обособленною жизнью: академіи не вѣдаютъ того, что дѣлается въ семинаріяхъ, семинарии — того, что — въ училищахъ; нерѣдко требованія отъ воспитанниковъ — академическія противорѣчатъ семинарскимъ, — семинарскія — училищнымъ. Отсюда происходитъ, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, повидимому, нарочито порвана такая обособленность и установлена болѣе тѣсная связь между низшимъ и высшимъ учебнымъ заведеніемъ, дѣло все-таки не ладится.

Мы имѣемъ въ виду, между прочимъ вопросъ о поступленіи въ семинаріи учениковъ изъ духовныхъ училищъ. Фактически этотъ вопросъ уже разрѣшенъ такъ, что ученики учи-

лицъ переходятъ въ семинарію безъ особыхъ пріемныхъ испытаній: семинарія и училище представляютъ такимъ образомъ какъ бы одно учебное заведеніе. Но въ теоріи онъ и доселѣ еще ставится, причѣмъ высказываются голоса за восстановленіе пріемныхъ испытаній. Характерно въ этомъ случаѣ то, что главнымъ мотивомъ къ восстановленію прежняго порядка вещей служитъ недовѣріе семинарскаго учебнаго персонала къ училищному. Настолько основательно вообще такое недовѣріе, мы не можемъ сказать; но частные случаи его проявленія, дѣйствительно, удивляютъ посторонняго чедовѣка и не столько сами по себѣ, сколько по лежащимъ въ ихъ основѣ розни, разладѣ, даже антагонизмѣ между заведеніями, по идеѣ внутренно связанными между собою.

Вотъ что пишетъ намъ одинъ изъ преподавателей духовнаго училища.

„Въ одномъ изъ циркуляровъ по духовно-учебному вѣдомству сдѣланъ былъ намекъ на возможность восстановленія въ семинаріяхъ прежней обременительной для духовенства и его дѣтей системы пріемныхъ экзаменовъ. О повѣрочныхъ испытаніяхъ вспомнили, конечно, подъ вліяніемъ постоянныхъ жалобъ семинарскихъ преподавателей на слабую будто-бы подготовку учениковъ духовныхъ училищъ, на излишнюю будто-бы снисходительность училищныхъ правленій при переводѣ воспитанниковъ въ семинарію, слѣдствіемъ чего является-де непомѣрно большой процентъ неудовлетворительныхъ балловъ въ первыхъ семинарскихъ классахъ. Такого рода жалобы не оказались тщетными. Въ концѣ нынѣшнихъ каникулъ въ одной изъ центральныхъ семинарій особымъ распоряженіемъ установлено повѣрочное письменное испытаніе по русскому языку для всѣхъ мальчиковъ, переведенныхъ училищами въ I классъ семинаріи. Распоряженіе это, быть можетъ, является первымъ шагомъ къ узаконенію отмѣненной — было въ началѣ 80-хъ годовъ системы пріемныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ училищнаго курса. Признавая упомянутую систему сомнительнымъ по его послѣдствіямъ палліативомъ, мы взяли за перо, чтобы показать ея темную сторону и, съ другой стороны, взглянуть на малограмотность и малоуспѣшность семинаристовъ подъ инымъ угломъ зрѣнія, чѣмъ подъ какимъ смотрять на это семинарскіе наставники. Пишущій эти строки обучался въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ еще при уставѣ семидесятихъ годовъ, когда ученики духовныхъ училищъ подвергались въ семинаріи полному повѣрочному испытанію. Мы хорошо помнимъ случаи, что воспитанники, окончившіе училище съ двойками, получали на пріемныхъ экзаменахъ удовлетворительные баллы, а мальчики неглупые и хорошо подготовленные, но застѣнчивые и робкіе, терялись въ новой обстановкѣ, отвѣчали невпопадъ и отмѣчались двойкою. Печальныя недоразумѣнія, когда первые оказывались послѣдними, а послѣдніе первыми, случались нерѣдко. И такая ненормальность

вполнѣ естественна и понятна. На испытанія являлось до 150 воспитанниковъ. У экзаменаторовъ не было просто физической возможности основательно произвести испытаніе. На каждого мальчика, раньше совершенно неизвѣстнаго семинарскимъ наставникамъ, приходилось удѣлять всего какихъ-нибудь двѣ-три минуты; возможно-ли тутъ было безошибочно опредѣлить степень подготовки каждого изъ нихъ?

„Всѣхъ учениковъ въ 1 классѣ семинаріи ежегодно набиралось цѣлыхъ три (нарѣдка — даже четыре) отдѣленія, т. е., гораздо больше ста человекъ. Съ отмѣною пріемныхъ экзаменовъ контингентъ 1 класса въ той семинаріи, какую мы имѣемъ въ виду, не увеличился, а, напротивъ, относительно уменьшился, если принять во вниманіе, что одно изъ духовныхъ училищъ епархіи выросло до двойного комплекта учащихся, чего прежде не было. Списки учениковъ дух. училищъ, помѣщаемые ежегодно въ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, показываютъ, что, напримѣръ, въ 91 году одно изъ подлежащихъ училищъ перевело въ семинарію изъ 70 учениковъ 4 класса только 30, а въ текущемъ году изъ 60 мальчиковъ удостоило перевода меньше сорока. Другое училище изъ 25—26 воспитанниковъ даетъ семинаріи 13 — 15. Въ третьемъ училищѣ, при общемъ составѣ учащихся въ 160—150 человекъ, съ удовлетворительными свидѣтельствами выпускается среднимъ числомъ воспитанниковъ двадцать, т. е., около 12½ — 13% общаго числа учениковъ. Приведенныя цифры говорятъ сами за себя, и мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можно подобное отношеніе училищныхъ правленій къ абитуриентамъ назвать излишне снисходительнымъ. Страннымъ кажется намъ и такое явленіе. Мы знаемъ лично нѣкоторыхъ воспитанниковъ семинаріи, которые въ свое время не были удостоены перевода въ семинарію, но явились въ нее послѣ каникулъ, подверглись пріемнымъ испытаніямъ и были приняты. На нашъ взглядъ здѣсь ужъ очевидное противорѣчіе: то говорятъ, что плохи ученики, переведенные училищами, то принимаютъ не удостоенныхъ перевода и, слѣдовательно, даже ихъ признаютъ достаточно подготовленными къ семинарскому курсу.

„Жалобы на училища доходятъ иногда до курьезовъ. Недавно семинаристъ, окончившій полный курсъ, подалъ одному высокопоставленному лицу прошеніе, въ которомъ нашлись крупныя орфографическія ошибки. Малограмотность выпускного ученика, конечно, обратила на себя особое вниманіе лица, принявшаго злополучное прошеніе. Потребовалось объясненіе, и козлами отпущенія за грѣхи человека, проучившагося 6 лѣтъ въ семинаріи, опять-таки явились духовныя училища. Отъ училищъ требуютъ, чтобы они давали семинаріи безусловно грамотныхъ мальчиковъ, съ которыми всякія занятія по части орфографіи были бы излишними. Семинарскимъ наставникамъ, очевидно, хотѣлось бы при чтеніи упражненій только услаждаться сознаніемъ того, какъ славно пишутъ ихъ ученики. А

мы посовѣтовали бы г.г. преподавателямъ, вмѣсто сваливанія на училища вины даже за выпускныхъ семинаристовъ, лучше прислушаться къ словамъ одного опытнаго педагога: „Полезно, говорить онъ, разъяснять ученикамъ даже старшихъ классовъ духовныхъ семинарій необходимость и важность по возможности пополнять и расширять свои знанія по языку и орфографіи, чтобы къ окончанію курса чувствовать себя во всеоружіи и обладать всѣми свѣдѣніями, необходимыми для безукоризненной грамотности“ (Цирк. по дух.-уч. вѣд. № 12). Предъявляя къ ученикамъ старшихъ классовъ семинаріи требованіе безукоризненной грамотности, тотъ же почтенный педагогъ объ упражненіяхъ учениковъ дух. училищъ пишетъ: „Преподаватель русскаго языка поступилъ бы несправедливо, если бы при оцѣнкѣ упражненія, особенно на экзаменѣ, лишилъ ученика возможности перейти въ слѣдующій классъ, основываясь на количествѣ сдѣланныхъ имъ ошибокъ... Узкая и односторонняя оцѣнка упражненій со стороны только грамотности, иногда довольно условной и не установившейся, крайне нежелательна въ дух. училищахъ. Жизнь нерѣдко представляетъ примѣры людей, очень развитыхъ и свободно владѣющихъ правильною, даже изящною устною рѣчью, но очень дурно пишущихъ: это доказываетъ, что искусство письменнаго изложенія отличается отъ устнаго, требуя особаго навыка“ (Цирк. № 8). Такимъ образомъ лица, стоящія во главѣ духовно-учебнаго вѣдомства, сравнительную малограмотность училищныхъ мальчиковъ объясняютъ не нерадѣліемъ и поблажками со стороны преподавателей дух. училищъ, а просто отсутствіемъ навыка въ письменномъ изложеніи мыслей. Такого навыка нельзя и требовать отъ четырнадцати-пятнадцатилѣтнихъ подростковъ. Его должна дать уже семинарія. Но здѣсь большою помѣхою для дѣла является почти полное отсутствіе письменныхъ работъ въ классѣ. Такъ называемыя „сочиненія“ даются большею частью только для домашней работы, срокомъ на 10—20 дней. Кто же поручится за то, что ученикъ самъ выполнитъ данную ему работу? Не ведетъ ли такая постановка письменныхъ упражненій къ тому, что младшимъ ученикамъ пишутъ сочиненія старшіе, а въ высшихъ классахъ лучшіе воспитанники работаютъ на болѣе слабыхъ? Мы съ увѣренностью отвѣтимъ, что на дѣлѣ такъ именно и бываетъ: добрая треть нашихъ одноклассниковъ въ теченіе всего семинарскаго курса пробавлялась исключительно чужими трудами, оставляя на свою долю только механическое переписываніе сочиненій набѣло. Само собой понятно, что такіе воспитанники никоимъ образомъ не могли выходить изъ семинаріи „во всеоружіи грамотности“. Крайне вредно отражается на умѣншіи семинаристовъ писать грамотно и то „равнодушіе, съ какимъ относятся преподаватели Св. Писанія, исторіи, философіи и т. п. къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ упражненій со стороны орфографіи. Наставники сихъ предметовъ, повидимому, съ убѣжденіемъ

говорять, что эта обяванность возлагается исключительно на преподавателей русскаго языка и словесности, и что только послѣдніе отвѣчают за малограмотность учениковъ. Волѣдствіе подобнаго *можно* убѣжденія, въ области правописанія одинъ учитель русскаго языка и словесности *тянетъ въ юру, а остальные подъ юру тащатъ*“ (Цирк. № 12). При всемъ почтеніи къ своимъ бывшимъ наставникамъ мы должны признаться, что за все время своего обученія въ семинаріи мы *никогда и ни отъ кого* (даже и отъ учителя словесности) не слышали разъясненія орфографическихъ погрѣбнностей, допущенныхъ тѣмъ или инымъ ученикомъ. Преподаватели ограничивались лишь простымъ подчеркиваніемъ ошибокъ, оставшихся затѣмъ не рассмотрѣнными и не исправленными. Неправильная постановка письменныхъ работъ и дѣлаетъ возможными такіе сюрпризы, что окончившій семинарію воспитанникъ неожиданно оказывается малограмотнымъ, или—что ученикъ выпускнаго класса, при болѣе строгомъ надзорѣ за выполненіемъ имъ письменной экзаменной работы, представляетъ упражненіе, одѣвиваемое цотомъ единицею. Намъ кажется, что съ замѣною домашнихъ работъ классными и при болѣе детальномъ логическомъ и грамматическомъ разборѣ сочиненій преподавателями грамотность могла бы стать въ семинаріи на должную высоту, и тогда не было бы нужды искать помощи въ разныхъ палліативахъ, въ родѣ какихъ-то старомодныхъ повѣрочныхъ испытаній.

„Слабые успѣхи семинаристовъ 1 класса въ наукахъ мы опять объясняемъ не плохимъ веденіемъ дѣла преподавателями дух. училищъ, а причинами, не имѣющими никакого отношенія къ достоинствамъ или недостаткамъ учительскихъ корпорацій. Здѣсь мы имѣемъ въ виду рѣзкую разницу въ курсѣ духовныхъ училищъ и 1 класса семинаріи. Перейдя въ семинарію, мальчикъ сразу приступаетъ къ совершенно новымъ для него предметамъ, преподаваемымъ совсѣмъ незнакомыми ему раньше наставниками. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что прежде, чѣмъ примѣниться къ измѣнившимся условіямъ своей ученической жизни, новый семинаристъ не въ силахъ на первыхъ порахъ ориентироваться въ новыхъ наукахъ и получаетъ двойки, а неудача первыхъ шаговъ нерѣдко отражается и на дальнѣйшихъ. Въ цѣляхъ установленія большей связи между училищемъ и семинаріей мы предложили бы такую мѣру. Въ каждомъ старшемъ классѣ дух. училищъ дѣти въ началѣ учебнаго года, обыкновенно, повторяютъ курсъ предыдущаго класса, чтобы восполнены были пробѣлы, образовавшіеся въ ихъ познаніяхъ въ теченіе каникулъ: отчего бы не завести въ 1 классѣ семинаріи такого порядка, чтобы вновь поступившіе, въ теченіе хоть одного мѣсяца, занимались повтореніемъ съ преподавателями древнихъ языковъ—греческой и латинской грамматикъ, съ математикомъ — ариметики, съ учителемъ словесности—русской грамматики и ученія о періодахъ? Въ

особенности настаиваемъ мы на необходимости вводныхъ повторительныхъ уроковъ въ преподаваніи алгебры и словесности. Въ гимназическомъ учебномъ планѣ 90 года послѣ изученія ариметики поставлены „упражненія, служащія переходомъ отъ ариметики къ алгебрѣ“, а въ программахъ духовныхъ семинарій такого пункта нѣтъ, и ученики отъ численныхъ примѣровъ и задачъ ариметики сразу приступаютъ къ разнымъ тонкостямъ алгебры съ ея квадратами суммы и разности буквенныхъ количествъ, съ ея отрицательными показателями и мнимыми величинами. Предварительное повтореніе ариметики, при чемъ можно было бы постепенно приучать учениковъ къ рѣшенію задачъ въ общемъ видѣ, т. е., къ замѣнѣ числовыхъ данныхъ буквенными, по нашему мнѣнію, сильно помогло бы ученикамъ разобраться въ дальнѣйшемъ систематическомъ курсѣ алгебры. Касательно же русскаго языка и словесности циркуляръ № 12 прямо говоритъ, что въ преподаваніи этихъ предметовъ „должно быть единство, логическая и дидактическая стройность“, что „при прохожденіи теоріи и исторіи словесности преподаватель долженъ твердо стоять на почвѣ прошлаго, извлекая изъ пройденнаго въ училищѣ какъ можно больше“. Но свѣдѣнія, полученныя въ училищѣ, легко могутъ дать нѣкоторые пробѣлы въ теченіе предшествующихъ переходу въ семинарію капикулъ, что и заставляетъ насъ признать необходимыми повторительные уроки по русскому языку, въ качествѣ введенія въ курсъ теоріи словесности“.

Въ словахъ нашего корреспондента заключается много справедливаго. И не трудно видѣть, какъ легко могли бы быть покончены недоразумѣнія и счеты между семинаріями и училищами, если бы у насъ существовала хоть какая нибудь объединительная инстанція между представителями учебно-педагогическаго персонала тѣхъ и другихъ заведеній. Но у насъ нѣтъ такой инстанціи—ни временной въ видѣ съѣзда преподавателей всѣхъ типовъ духовной школы, о чемъ мы говорили раньше („Хр. Чт.“ 1896 г. май—іюнь, стр. 738—740), — ни постоянной—въ видѣ какого-либо педагогическаго общества при духовныхъ академіяхъ,—хотя для блага обученія и воспитанія намъ пужно не только то или другое, но и то и другое.

Авторъ корреспонденціи затрогиваетъ, между прочимъ, вопросъ о письменныхъ упражненіяхъ учениковъ семинаріи и предлагаетъ мѣры къ улучшенію ихъ постановки. По его мнѣнію, „съ замѣною домашнихъ работъ классными и при болѣе детальномъ грамматическомъ и логическомъ разборѣ сочиненій преподавателями грамотность могла бы стать въ семинаріи на должную высоту“. Что касается благотворности замѣны домашнихъ работъ классными,—съ авторомъ нельзя согласиться. Конечно, злоупотребленія, указанныя имъ, могутъ быть при домашней работѣ, но, во первыхъ, они не составляютъ общаго явленія, во вторыхъ, въ рукахъ внимательнаго къ дѣлу

преподавателя всегда есть средства искоренить ихъ, и, наконецъ, главное, — такая замѣна еще могла бы быть допущена, если бы письменныя упражненія учениковъ семинаріи имѣли цѣлью одну грамотность. Цѣль ихъ гораздо шире: сочиненія семинаристовъ должны представлять собою не орографическій только документъ, но и плодъ мысли, обдумыванія, всесторонняго обсужденія предмета, а всего этого нельзя достигнуть одними классными упражненіями. Но если въ этомъ съ авторомъ нельзя согласиться, то въ остальномъ онъ правъ, именно въ томъ, что необходимо привлекать къ упражненіямъ воспитанниковъ надлежащее вниманіе всѣхъ преподавателей семинаріи, по предметамъ которыхъ пишутся сочиненія, а не однихъ только преподавателей словесности. Отсутствие общности и здѣсь приноситъ одинъ только вредъ.

Впрочемъ, предъявляя преподавателямъ семинаріи такія требованія, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ поставить ихъ дѣятельность въ наиболѣе благопріятныя условія и устранить стоящія на пути препятствія. Человѣкъ можетъ быть не исполнительнымъ не потому только, что у него нѣтъ усердія къ исполненію обязанностей, а потому, что нѣтъ времени и необходимыхъ средствъ. Вотъ почему заслуживаютъ полного вниманія мѣры къ поднятію уровня письменныхъ упражненій семинаристовъ, рекомендуемая однимъ бывшимъ преподавателемъ семинаріи.

„Что ученики теперь мало читаютъ и плохо пишутъ, говоритъ этотъ нашъ корреспондентъ, — гораздо меньше и хуже чѣмъ до устава 1884 г., обременившаго каждый классъ семинаріи массою предметовъ, это не только убѣжденіе всѣхъ преподавателей, но и официальный голосъ Учебнаго Комитета и неофициальный — интересующейся духовнымъ міромъ благожелательной прессы. Но одно время не исцѣлить этихъ недуговъ нашей духовной школы: необходима лучшая, сравнительно съ настоящею, постановка письменныхъ упражненій. Что же требуется для улучшенія этой постановки.

„Во первыхъ, увеличеніе числа уроковъ по всѣмъ предметамъ, по которымъ ученики пишутъ упражненія и сочиненія: тогда преподаватели имѣли бы болѣе времени для болѣе частаго и тщательнаго *класснаго* разбора письменныхъ ученическихъ работъ; теперь же классному разбору удѣляется весьма мало времени, такъ какъ всѣ учителя *спѣшатъ* пройти положенныя программы и принятые учебники (за этимъ строго слѣдить мѣстное начальство), — программы, порою слишкомъ обширныя по сравненію съ числомъ уроковъ. Да и домашнее то рецензированіе сочиненій дѣлается теперь не всегда и всѣмъ удовлетворительно, — причина этого лежитъ отчасти въ отсутствіи особаго вознагражденія за чтеніе письменныхъ ученическихъ работъ. Устраненіе этой причины — второе условіе улучшенія послѣднихъ. Преподаватели, которымъ приходится читать *массу ученическихъ сочиненій* (а таковы всѣ семинарскіе препода-

даватели, исключая математиковъ и классиковъ) и тратить на эту сложную и утомительную работу чуть ли не каждый учебный день по нѣсколько вечернихъ часовъ, должны быть особо вознаграждаемы за каждый прорецензированный ими экземпляръ означенныхъ сочиненій. Тогда бы они болѣе тщательно стали относиться къ этимъ послѣднимъ, — что не всегда бываетъ теперь и чего строго требовать отъ нихъ едва ли справедливо, — да и чувствовали бы себя удовлетворенными по сравненію не только съ учителями гимназій, гдѣ трудъ чтенія сочиненій оплачивается, но и со своими товарищами — преподавателями математики и древнихъ языковъ. Послѣдніе, не обремененные грудой сочиненій и не затрачивающіе на подготовку къ урокамъ столько вечерняго времени, сколько приходится затрачивать другимъ преподавателямъ (особенно богословскихъ и философскихъ предметовъ), почти всегда получаютъ жалованья болѣе другихъ (у классиковъ въ семинаріяхъ по 14 нед. уроковъ, а въ училищахъ по 15), особенно если есть въ 1 классѣ семинаріи параллельное отдѣленіе. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ (напр. въ Ставропольской) и семинарское начальство, и мѣстное духовенство признало уже справедливость вознагражденія преподавателей за чтеніе сочиненій: первое составило надлежащій докладъ по этому вопросу, а послѣднее, заслушавъ его на съѣздѣ своихъ представителей, изыскало изъ епарх. источниковъ потребныя суммы. Да и само центральное духовно-учебное управленіе склонно, по видимому, признать необходимость упоминаемаго вознагражденія, — только этимъ, думаю и объясняется данное имъ года два — три тому назадъ разрѣшеніе правленіямъ дух. училищъ вознаграждать учителей русскаго языка за чтеніе письменныхъ упражненій изъ мѣстныхъ суммъ. Но это — полумѣра, равно какъ практика Ставропольской семинаріи — счастливое исключеніе. Между тѣмъ желательно, чтобы вознагражденіе преподавателей за чтеніе сочиненій сдѣлалось обязательнымъ правиломъ и чтобы оно производилось не изъ мѣстныхъ случайныхъ источниковъ, а изъ того же источника, изъ котораго производится и жалованье преподавателямъ.

„Третье условіе — иная, нежели теперь, постановка учебническихъ библиотекъ и пользованія ими. Желательно, чтобы а) на библиотеки были ассигнованы въ достаточномъ количествѣ постоянныя казенныя суммы, а не находились бы онѣ въ зависимости, въ отношеніи матеріальныхъ средствъ, отъ случайнаго благоусмотрѣнія мѣстныхъ начальствъ и съѣздовъ духовенства; б) ободреніе, допущеніе и рекомендація книгъ для чтенія учащихся въ дух.-уч. заведеніяхъ посылки не случайный характеръ, обусловливающейся теперь болѣею частью присылкою или неприсылкою авторомъ своей книги на разсмотрѣніе Духовно-учебнаго Комитета, а исходящими изъ особаго бюро, какъ постоянного учрежденія при этомъ комитетѣ, которое неизмѣнно слѣдило бы за текущею литературою по предметамъ се-

минарскаго и училищнаго курсовъ и время отъ времени составляло списки (индексы) книгъ, съ раздѣленіемъ ихъ, кромѣ содержанія, по возрастамъ учащихся, или дозволенныхъ, или, что, пожалуй, легче и практичнѣе, не дозволенныхъ, запрещаемыхъ; тогда не было бы такихъ, напр., явленій, что въ одной семинаріи всѣ сочиненія Григоровича выдаются ученикамъ для чтенія, и въ другой—только нѣкоторыя, въ одной семинаріи Достоевскій читается, а въ другой нѣтъ и т. п.; в) пользованіе учениками бібліотекою, чтеніе книгъ происходило подѣ дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ, какъ зачастую бываетъ теперь, руководствомъ преподавателей, помощниковъ смотрителя и инспектора; а для этого слѣдовало бы, кромѣ увеличенія уроковъ по нѣкоторымъ, болѣе, такъ сказать, центральнымъ предметамъ извѣстныхъ классовъ (рус. языкъ, рус. литература, философія, богословіе),—какое увеличеніе дало бы преподавателямъ возможность удѣлять болѣе времени на бесѣды по поводу прочитаннаго учениками или только предназначаемаго къ прочтенію,—назначить опредѣленное вознагражденіе руководителямъ чтенія за этотъ специальный трудъ, который бы, такимъ образомъ, отдѣлялся для нихъ *обязательнымъ* и юридически (а не нравственно только, какъ теперь) отвѣтственнымъ.

„Четвертое условіе: кто бы что не говорилъ о вредѣ балльной системы и, такъ называемой, баллопромышленности, все же, пока эта система принята для оцѣнки ученическихъ знаній, съ нею нужно считаться и при оцѣнкѣ ученическихъ сочиненій. Къ сожалѣнію, значеніе ея здѣсь ослаблено: тогда какъ каждый средній выводъ по каждому предмету имѣетъ свою полную цѣну, при чемъ неудовлетворительный баллъ ведетъ ученика къ перекладеванію или карѣ со стороны правленія, отдѣльный средній баллъ на сочиненіяхъ по данному предмету не имѣетъ самостоятельнаго значенія,—онъ складывается, чтобы получился одинъ общій выводъ, съ баллами на сочиненіяхъ по другимъ предметамъ. А это умаляетъ въ глазахъ учениковъ цѣну (значеніе) сочиненій по сравненію съ устными отвѣтами, и, они, естественно, менѣе занимаются ими, чѣмъ своими учебниками, такъ какъ далеко не всѣ изъ нихъ имѣютъ внутреннія побужденія серьезно относиться къ сочиненіямъ, а внѣшнія слишкомъ слабы. Въ подтвержденіе послѣднихъ своихъ словъ укажу еще на два обстоятельства: а) въ то время какъ въ табеляхъ, выдаваемыхъ ученикамъ,—для свѣдѣнія родителей,—при отвѣдѣ ихъ на рождественскія, лѣтнія и др. каникулы, проставляются баллы по устнымъ ихъ отвѣтамъ, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ нѣтъ и графы для балловъ по сочиненіямъ, а если и есть, то графы эти пусты; оттого родители учащихся ни мало не заинтересованы успѣхами своихъ дѣтей по сочиненіямъ и не могутъ ни поощрить ихъ своимъ одобреніемъ, ни наказать своимъ выговоромъ, порицаніемъ или недовольствомъ, на что рассчитано проставленіе въ табеляхъ балловъ по устнымъ отвѣтамъ учениковъ; б) средніе двухмѣ-

сячные баллы по этимъ отвѣтамъ,—по крайней мѣрѣ баллы не удовлетворительные,—заслушиваются и обсуждаются по окончаніи каждой четверти учебнаго года на обще-педагогическихъ собраніяхъ (съ участіемъ всѣхъ преподавателей), результатомъ чего являются тѣ или иные дисциплинарныя и педагогическія мѣры по отношенію къ малоуспѣвшимъ ученикамъ; между тѣмъ баллы по сочиненіямъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ вообще не заслушиваются, да и слово—„сочиненія“—что-то очень рѣдко слышится на упомянутыхъ собраніяхъ. А это еще разъ убѣждаетъ учениковъ, что сочиненіямъ придается гораздо меньшее значеніе, чѣмъ устнымъ отвѣтамъ. Между тѣмъ какъ въ академіяхъ практикуется обратная оцѣнка сочиненій и устныхъ отвѣтовъ,—такъ что семинаріи, готовящія учениковъ для академій, становятся въ данномъ случаѣ въ *противорѣчіе* съ этими послѣдними,—противорѣчіе, крайне нежелательное: Казанская, напр., академія въ своихъ объявленіяхъ объ условіяхъ пріема студентовъ въ составъ перваго курса ежегодно напоминаетъ, что на сочиненія ихъ будетъ обращено преимущественное вниманіе, какъ на дѣйствительнѣйшее средство оцѣнки умственнаго развитія конкурентовъ, а академія московская цѣнитъ студенческія сочиненія, возводя баллъ по нимъ въ квадратъ, въ четыре и болѣе разъ выше устныхъ отвѣтовъ.—Накопецъ, какъ на пятое и послѣднее условіе повышенія успѣшности семинаристовъ и учениковъ училищъ въ дѣлѣ писанія сочиненій, нелишнее указать на недопущеніе (со стороны семинарскихъ и епархіальныхъ начальствъ) на должность секретарей правленій преподавателей по тѣмъ предметамъ, по которымъ имѣется въ семинаріяхъ съ параллельными отдѣленіями много уроковъ и дается, слѣд., много сочиненій (число сочиненій болѣею частію пропорціонально числу уроковъ): заваленный секретарскою работою,—а чѣмъ многочисленнѣе семинарія, тѣмъ и работы больше,—преподаватель не имѣетъ времени достаточно серьезно отнестись къ ученическимъ сочиненіямъ и потому не прочитываетъ, а только *пробтаетъ* ихъ, лишь бы поставитъ баллы... Какой же толкъ для учениковъ отъ такового отношенія къ ихъ сочиненіямъ?*

Итакъ, объединеніе учебно-педагогическаго персонала духовныхъ академій, семинарій и училищъ, устраненіе розни и недоразумѣній между его представителями, улучшенная постановка письменныхъ упражненій — вотъ новые вопросы, которые, въ прибавленіе къ ранѣе обсуждавшимся на страницахъ нашего журнала, выдвигаетъ жизнь духовно-учебныхъ заведеній и которые ожидаютъ благопріятнаго разрѣшенія отъ предполагаемыхъ реформъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки